Трудно ли быть министром

Актер и министр... Сочетание этих двух профессий еще недавно было в нашей стране немислимым. Однако революционные перемены последних лет позволили занять «высокое кресло» человеку, казалось бы, далекому от мысли стать чиновником. **Н. Н. Губенко** — новый министр культуры, продолжает играть в спектаклях в Театре на Таганке, не оставляет и режиссерской работы. И вот теперь — уже три месяца — в его ведении находятся музыка, искусство, литература — вся духовная жизнь страны.

Международный пресс-клуб женщин-журналисток «33 плюс один» устроил встречу с Н. Губенко. Мы публикуем часть этой беседы.

— Три месяца назад я вообще не задумывался, кто такой министр культуры. Я не ходил в это ведомство, мне от него ничего не было нужно. И теперь свой приход в министерство рассматриваю как временный. Все-таки основная моя работа — режиссура и актерское ремесло. Однако, пока я здесь, мне бы хотелось многое изменить, и в первую очередь — отношение к культуре.

— **Что означает перестройка применительно к культуре?**

— Перестройка — первый шанс правдиво и честно заговорить о том бедственном положении, в котором находится культура. Около шести миллиардов рублей идет на ее развитие, это лишь 1,2 процента бюджета страны. Я считаю, что разобщение общества, национальные конфликты, экономическая несостоятельность — в огромной степени зависят от потери традиций культурного развития народов, которые населяют нашу страну, потери их связи с опытом прошлого.

— **Может быть, в эпоху нашего стремления к демократии, интеллигенция возьмет дело развития культуры в свои руки?**

— Увы, мало кто хочет часть времени, которое он мог бы уделить творчеству, посвящать организационным вопросам. Это значит не написать еще одну книгу, картину, музыкальное произведение, не сыграть новую роль, не поставить интересный спектакль... Но, мне кажется, интеллигенция должна осознать, что один Губенко ничего не сделает.

— **Что бы вам хотелось в первую очередь изменить в работе вверенного вам министерства?**

— Министерство культуры не может знать все потребности и нужды на местах. И сейчас нужна как воздух децентрализация — и управления, и ассигнований. Здесь можно, например, опереться на иностранный опыт. Там в каждом министерстве предусмотрена своя статья бюджета на культуру. У нас пока этого нет.

— **Может быть, в связи с этим у нас получит широкое распространение меценатство?**

— Пока рассчитывать на это не приходится. Нужно опираться на те силы, которые есть. Сейчас в моем распоряжении сплоченный аппарат, который уже забросал меня большим количеством бумаг. Люди ждут конкретных заданий и целей. Мы еще не выработали новых функций министерства, но эта работа идет. Удалась пока консолидация со многими внеминистерскими учреждениями, которые готовы соединиться для того, чтобы бороться за права работников культуры. Напри-

мер, проект нового закона о налогообложении совершенно не учитывает специфику творческого труда. Писатель много лет может создавать одну книгу, художник — картину. Нельзя доходы творческих людей приравнивать к доходам кооператоров. Если нам удастся еще объединить усилия многих ведомств — таких, как Госкомпечать, Гостелерадио, то задача по изменению некоторых пунктов этого закона (кое-что нам уже удалось сделать) будет выполнена.

— **Собирается ли ваше министерство отдельно заняться проблемой молодежи?**

— Пока нам не удалось выйти на какие-либо молодежные силы и неформалов. Но мне хочется выделить в нашей структуре подразделение, разрабатывающее исключительно молодежные программы. Первый и наиболее важный, с моей точки зрения, шаг в приобщении молодежи к культуре — это гуманитаризация образования. Мы — потерянное поколение в области культуры. У нас очень много пробелов. Например, серьезную музыку я услышал впервые в 14 лет, когда четким строем нас повели на оперу «Евгений Онегин» в Одесский театр оперы и балета. Весь класс спал, так как он впервые встретился с живой музыкой.

Но и сейчас воспитание подрастающего поколения остается на том же уровне. Даже в центре — в Москве — на 1,000 человек всего 4,6 зрительских места. В то время как в Латвии их семь, а в Ашхабаде около пяти. Я уже не говорю о Париже, где 19 зрительских мест на тысячу человек. У нас за всю историю Советской власти в Москве построено 8 театров и один концертный зал. А чтобы на тысячу человек стало хотя бы девять мест, нужно построить еще 40 театров. Но здесь есть выход. В школах 30,000 так называемых актовых залов. Они не должны пустовать.

Сейчас министерство подключилось вместе с Фондом культуры к программе поиска новых имен. Есть договоренность с Детским фондом им. Ленина, что они выделяют часть средств для одаренных детей, например, на стипендии.

— **Что же все-таки удалось сделать за то недолгое время, что вы находитесь на посту министра?**

— Одно из наших больших достижений — решение о повышении зарплаты библиотекарям, работникам музеев. Это не является полностью моей заслугой. Совместными усилиями накануне нового года удалось-таки убедить правительство, что такое повышение — неотложная необходимость. На

него выделено 290 миллионов рублей.

Следующая большая задача, которая стоит перед нами, — это необходимость закона о культуре. Мы уже сфокусировали на этом внимание общественности. Проанализирована ситуация и вокруг библиотеки им. Ленина. Деньги на ее реконструкцию выделены большие, важно определить, как их использовать. Сейчас готовится документ по этому поводу.

Мы очень рады, что с нашей помощью удалось вернуть советское гражданство Ростроповичу и Вишневецкой.

— **Нельзя ли приложить ваши усилия и к тому, чтобы вернуть гражданство Солженицыну?**

— Нужно сделать все, чтобы дать возможность Солженицыну приехать и вернуть ему советское гражданство. Тем более, что это один из немногих, уехавших из нашей страны людей, который хочет жить в России. Однако сейчас мы созрели для того, чтобы комплексно решить вопрос о тех, кто был насильственно лишен гражданства. Таких людей не так много, около 170 человек. Надо вернуть гражданство им всем и закрыть на этом проблему эмиграции, чтобы западные средства массовой информации худшего толка не делали на этом политический капитал.

— **Как вам кажется, остались ли еще «запретные зоны» в культуре?**

— Может быть, я обольщаюсь, но мне думается, что гласность почти не оставила «запретных зон». Нет ничего такого, о чем бы не говорило общество, начиная от критики Политбюро и кончая состоянием простого крестьянина.

— **Не беспокоит ли вас то, что вместе с гласностью и открытостью все большее распространение получает эстрадная культура? Особенно этому способствует телевидение.**

— Я разделяю вашу озабоченность. Действительно, качество многих телевизионных программ плохое. Массовая культура захватила львиную долю времени в эфире. Есть в нынешнем телевидении некое отвлечение народа от серьезных размышлений о жизни.

Однако я как министр культуры в ближайшее время вряд ли смогу оказать влияние на телевидение. Оно полностью в руках его руководства. Возможно, выход в создании альтернативного телевидения, о котором в недавнем пленуме говорил т. Ненашев.

— **Николай Николаевич, легко ли быть министром культуры?**

— Знаете, каждый вечер ухожу с работы с желанием закончить свою карьеру министра. Меня просто охватывает отчаяние, и кажется, что невозможно сдвинуть с места, заставить работать по-иному аппарат министерства. Но потом я спохватываюсь — а вдруг на мое место придет холодный чиновник, который не сможет и не захочет сделать то, что я могу? И с утра я поднимаюсь с новыми силами, готовый работать.

Беседу записала
Л. БЕРЗИНА.